

Леонид Леонид
Максимович

10.8.94.

166

лит. газ. - 1994. - 10 авг. - с. 3.

Учитель, перед именем твоим...

Леонид Максимович Леонов. Переделкино, 1979 г.

Фото Александра КАРЗАНОВА

Конечно, этого мы все ждали, надеясь, конечно, что оно придет не сейчас, не сегодня. Ему исполнилось недавно 95 лет. И все же скорбная весть застала врасплох. Она ударила, как бухал раньше большой колокол на сельской колокольне. И звон этот – не благовест, звон – погребальный. Мы не сможем сразу понять и осмыслить, кто уходит от нас: какой человек, какой мастер, какой труженик, какой учитель, какие эпохи уходят от нас вместе с ним.

Среди сонма современных литераторов, писателей, прозаиков, приносивших лишь пересказывать в прозе содержание своих рассказов, повестей, романов, он не в единственном ли числе в наше время свои романы ПИСАЛ!

Я сказал про него – учитель. Значит, надобно хотя бы в порядке перечисления вспомнить, чему у Леонова можно научиться.

– Я работаю строго, – говорил сам Леонид Максимович. – Я переписываю страницу до тех пор, пока на ней не останется ни одной помарки.

Значит, вот – трудолюбие, мастерство. “Истинные произведения искусства, – учил Леонов, – произведения слова в особенности, есть всегда изобретение по форме и открытие по содержанию. В отличие от тыквы, за один сезон достигающей похвальных результатов, произведение словесного искусства выращивается, как плодородное дерево... Надо долго питать его соками души, бережно холить молодую крону... В постоянной тревоге за урожай, столь ненадежный в нашем суровом континентальном климате”.

Леонов во всем был обстоятелен и добротен, добросовестен перед читателями, перед народом.

У некоторой части литераторов существует убеждение, что большими знаниями можно погубить поэзию, что, приобретая знания, можно утратить непосредственность восприятия мира, способность удивляться. Но дровами можно завалить и потушить только слабенький огонек, большой полыхающий огонь дровами не завалишь.

Маршал бронетанковых войск полутья-полусерьезно предлагал Леонову после “Взятия Великошумска” солидное воинское звание, ибо и стратегию танковых боев, и то, что называется материальной частью, и общие проблемы в танковой области Леонов изучил не хуже, а может быть, лучше специалистов.

В период написания “Дороги на океан” он был сведущ в хирургии почек не меньше медиков-профессионалов. Читая повесть “Evgenia Ivanovna”, убеждаешься, что Кахетию писатель изучил с дотошностью краеведа-энтузиаста. Надо ли говорить, что в вопросах лесоустройства и лесопромысла автор “Русского леса” разбирался с осведомленностью лесоводов и лесопромышленников!

Лекция Ивана Вихрова о русском лесе составила бы честь одновременно историку ранга Ключевского, биологу ранга Тимирязева, и, кроме того, по своей поэтичности, по своей художественной выразительности она достойна пера писателя Леонид Леонова.

Леонова принято считать первым в стране защитником наших страждущих

лесов, наших страждущих рек и нашей страждущей природы вообще. Но неужели такой талантище, оснащенный всесторонними широкими знаниями, оснащенный точнейшим снайперским мастерством; употреблялся на цель в конечном счете утилитарную, как бы она ни была важна для настоящего и будущего земли?

Вот она, леоновская проза. “Это был всего лишь родничок. Из-под камня в просторстве не больше детской ладони роилась ключевая вода. То была колыбель Склани, первого притока Енги, а та в свою очередь приходилась старшей дочкой великой русской реке, расхлестнувшей северную низменность на две половинки, так что полстраны было окроплено живой водой из этого овражка. Без нее не родятся ни дети, ни хлеб, ни песня, и одного глотка ее хватало дедам на подвиги тысячелетней славы. Не виднелось ни валов земляных, ни крепостных стен поблизости, но все достояние государства – необозримые пашни с грозами над ними, книгохранилища и могущественная индустрия, лес и горы на его рубежах – служат родничку прочной и надежной оболочкой. И значит, затем лишь строит народ неприступные твердыни духа и хмурое войско держит на своих границах, и самое дорогое ставит в бессонный караул, чтобы не пробралась сюда, не замутила, не осквернила чистой струйки ничья поганая ступня”.

Я думаю, что в нашем государстве, охваченном всеобщей грамотностью, не найдется читателя столь наивного, который вообразил бы, что хмурое войско на границах государства и впрямь содержит-

ся ради неприкосновенности обычного родничка.

Переберем слова, относящиеся к одному и тому же корню. Грамматический корень этот будет “род”. Род, родник, родня, родина, родиться, народиться, народ...

Перечисляя все, что стоит на страже светлого родника, Леонов рядом с необозримыми пашнями, могущественной индустрией и хмурым войском упомянул также построенные народом неприступные твердыни духа и силы. Надо полагать, что подразумеваются тут Пушкин и Гоголь, Толстой и Достоевский, Мусоргский и Бородин, Сергей Радонежский и Рублев и еще многие-многие того же величия и достоинства, воистину неприступные твердыни духа.

Итак, главное, чему нужно учиться у Леонова и чему будут учиться у него многие поколения русских людей (хоть не осталось уж у нас ни хмурого войска на границах, ни – страшно подумать – самого понятия родина), – это высокому, чистому патриотизму.

Мы живем в смутное время. Но жизнь народа, судьба его, история его продолжают. Признали уже, что писатель Леонид Леонов возведен и построен народом тоже как твердыня духа и силы, не знающая других задач, кроме задачи защищать свой народ.

Вспоминая добрую традицию прошлого века, хочу сказать в этот траурный день: “Учитель! перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени!”

Владимир СОЛОУХИН